

Николай Цуканов

Путь к храму

*Кировоград
2013*

*При оформлении обложки использована картина
Петра Магро (1918-2010)
«Дорога к храму»*

Он проснулся в испарине от испуга и включил свет. «Опять этот кошмарный сон! Он снова и снова мучает меня...» Неразличимое женское лицо в тумане, и голос, далекий голос. Да-да, во сне он отчетливо слышал и его, и эту странную фразу, которую тот постоянно повторял – «Твоя душа не найдет покоя...» Эти слова преследовали его уже много лет. «Но в чем, в чем я провинился? Мы же все грешны на этой земле...»

Владислав Андреевич по обыкновению проснулся рано. Он любил открывать глаза вместе с первыми лучами солнца, и, лежа на широкой кровати, через огромное, от пола до потолка окно, любоваться прекрасным панорамным видом на море. Доносящиеся крики чаек и шум прибоя дополняли утреннюю картину.

Он встал и подошел к окну. Лучи оранжевого солнца раскрашивали морскую гладь разноцветными узорами. Накинув халат, он вышел на веранду и опустился в плетеное кресло, достал из стоящей на столике деревянной коробки трубку и набил ее своим любимым табаком «Каролина». Прикурив, мужчина медленно сделал первую затяжку. Воздух наполнился сладковатым фруктовым ароматом. Во рту приятно защекотало.

Через некоторое время на веранду вышла стройная девушка, одетая в короткую прозрачную ночную рубашку. Пропуская между пальцев длинные волосы, как будто играя с ними, она подошла к сидящему в кресле Владиславу Андреевичу, поцеловала в щеку, и, присев рядом, сказала:

– Доброе утро, папа.

Владислав Андреевич улыбнулся, обнял ее за плечи и так же ответил легким поцелуем:

– Алинушка! Ты зачем так рано поднялась? Поздно ведь приехала. Ладно, мне по-стариковски не спится!

Не ответив на его вопрос, Алина в свою очередь спросила:

– Папа, чего ты хочешь, чтоб я приготовила на завтрак?

Владислав Андреевич ничего не ответил, слегка прикоснувшись к щеке дочери. Еще с того времени, как умерла его жена Жанна, он привык обходиться и готовить самостоятельно. Но когда приезжала Алина, это право переходило к ней.

Дочь ушла готовить, а он, неторопливо поднявшись, вошел в дом. Комнаты внутри него напоминали антикварный магазин, наполненный раритетами. Старинные шкафы, кресла, столы, горки для посуды, картины, вазы, огромные напольные часы, хрупкие статуэтки и многое другое привычно ласкали его взгляд. Волшебное очарование, жившее рядом с ним в антикварных ценностях, многие годы заменяло ему общение с людьми.

За стеклянной витриной были выставлены фарфоровые фигурки балерин, детей, животных, полкой ниже располагались вазы, шкатулки и сервизы. Владислав Андреевич перевел взгляд на полку с книгами. Пожалуй, они были еще одной его страстью, благодаря которой он постоянно открывал для себя что-то новое.

Невольно в его голову закралась мысль, что каждая из этих вещей уже пережила не одного хозяина. Сегодня владелец всего этого – он. А завтра? Что их ждет завтра? Ведь рано или поздно у них появится новый владелец! Кто им станет в будущем? Из-за этих мыслей его настроение немало испортилось.

Но, зайдя в просторную кухню и увидев дочь, он на какое-то время перестал искать ответ на этот довольно неприятный вопрос. Ему доставляло радость наблюдать, как она заботится о нем, не спеша сервируя стол. В дочери и ее нежной привязанности к нему он узнавал жену. Жаль,

что эти минуты случались крайне редко – как правило, дочь навещала его всего лишь два-три раза в год. И, погостив несколько дней, уезжала к себе домой, где окуналась в вечный круговорот рабочих будней.

Уже сидя за столом, Владислав Андреевич налил в бокалы красного вина и перед тем как выпить, осторожно, словно боясь нарушить утреннюю идиллию, начал разговор на тему, давно терзающую его сердце.

– Алинка! Ты можешь не отвечать на мой вопрос... Но я все равно хочу спросить тебя о том, о чем все чаще и чаще задумываюсь. Скажи, кому я передам все то, что нажил за всю жизнь, о чем мечтал многие годы – этот дом с его божественным видом на море, все то, что ты видишь вокруг себя? Вот эти картины стоят не одну тысячу долларов! Посмотри, ведь это подлинные шедевры! А имена! Любой коллекционер позавидовал бы нам – Пикассо, Клод Моне, Поль Сезанн!.. Во всем этом заключена вся моя жизнь, это те крупинки золотого песка, которые я собирал годами. Ты ведь, слава Богу, не знала нужды и что это такое – жить впроголодь. Ты родилась уже в другом мире... – последние слова прозвучали, как упрек.

Алина, услышав в голосе отца возрастающее волнение, подошла к нему, и, положив руку на плечо, нежно произнесла:

– Папа, ты же знаешь – я тоже хочу, чтоб у тебя был наследник. Но ведь это зависит не только от меня. Бог не дает нам ребенка, да и Давид упорно избегает этой темы, ссылаясь на то, что сначала необходимо устроить бизнес.

– Твой Давид самый настоящий эгоист и засранец, совершенно не думающий о тебе! – вскипел отец. – Он колесит по миру, делая вид, что развивает бизнес, а на самом деле – бездельник! – у отца задергалась щека.

Алина видела, как он пытается подавить кипевший в нем гнев. Она молчала, зная, что в такие минуты необходи-

мо дать отцу выговориться. Воспитывая ее самостоятельно практически с шести лет, с того самого момента, когда скоропостижно скончалась жена, он очень болезненно перенес и ее свадьбу, и их расставание.

Воцарилось молчание. Немного успокоившись, Владислав Андреевич, пытаясь сгладить последствия минутной вспышки гнева, сказал:

– Алина, мы давно с тобой нигде не были вместе. Здесь неподалеку есть одно уютное местечко, русский эмигрант открыл небольшой ресторанчик «Белые ночи». Давай поужинаем там. Ты не против?

Она поспешно кивнула головой.

Ресторан действительно оказался очень уютным. Его интерьер был оформлен в стиле Санкт-Петербурга XIX-го века, по мотивам оригинальных гравюр. Они сидели друг против друга за уединенным столиком, покрытым льняной бежевой скатертью. Молоденький официант, узнав в них соотечественников, любезно предложил несколько новинок меню из русской кухни. Алина пригубила из бокала сухого вина. Она улыбкой поблагодарив официанта, поставившего перед ней заказанное блюдо.

Владислав Андреевич, не сводя с дочери взгляда, откинулся на спинку стула. Последний раз они встречались вот так около пяти месяцев назад. Он наслаждался этими минутами, мысленно возвращая себя в то время, когда они таким же образом сидели с женой.

В чувство его привел взволнованный голос Алины, которая громко повторяла:

– Папа, тебе плохо?

Он грустно улыбнулся и ответил:

– Нет, дочка, все прекрасно! Как здорово, что мы все-таки решили приехать сюда!

Владислав Барышев вырос в простой советской семье, и как миллионы ему подобных пацанов, воспитывался на принципах патриотизма, бескорыстия и оптимистической веры в счастливое будущее. Подобно многочисленным сверстникам, он упорно занимался в спортзале, стремясь побыстрее нарастить мышцы, чтобы, раздевшись на пляже, пройти перед девочками, увидев восхищение в их глазах. А потом он услышал, как пацаны во дворе играли на гитаре. Увлечшись музыкой, часами просиживал в подворотнях, брэнча на струнах, напевая нехитрые блатные песни:

*Помню, помню – мальчик я босой
В лодке колыхался над волнами...*

В школе парень организовывал вечеринки. В это же время он занялся коллекционированием грампластинок. Его увлечение музыкой постепенно переросло в стиль жизни – вместе со школьными друзьями он создал вокально-инструментальный ансамбль, который играл на дискотеках, иногда зарабатывая за вечер по 20 рублей. Позже их группу начали приглашать играть во время свадеб и банкетов. В такие дни они зарабатывали по 100-150 рублей. По тем временам это были огромные деньги, ведь только на один рубль можно было купить восемь пачек сигарет «Памир», а пять вполне хватало, чтобы оплатить коммунальные услуги. Владислав стал красиво одеваться, бывать в ресторанах.

Однажды он попал в компанию двух молодых моряков, побывавших в одной из капиталистических стран. Услышав их рассказы о райской жизни и изобилии товаров, он вдруг понял, что, оказывается, существует и другая жизнь – роскошная, полная достатка, а нета, где посмотришь кругом, и чего только нет – мяса нет, колбасы нет, молока нет...

Во что бы то ни стало, Владислав решил попасть на корабль дальнего плавания. И хотя музыканты, играющие на пассажирских судах, получали меньше, чем их коллеги

на суше, здесь была совсем другая жизнь – наполненная романтикой и возможностью зарабатывать не только музыкой. Правдами и неправдами он устроился музыкантом на круизный корабль. В его жизни появилась перспектива светлого безбедного существования.

Благодаря предприимчивости, а также значительной сумме иностранной валюты, полученной от благодарных туристов в виде чаевых, Владислав смог начать свой небольшой, но не совсем легальный бизнес. Закупая кожаные пиджаки, женские платки с люреksom, а также различные ткани, он постепенно накопил значительную сумму денег. Но, вместе с тем, отчетливо понимал, что в этом бизнесе главное – не переусердствовать, так как советская таможня зорко следила за тем, чтобы граждане не наживались нечестным путем.

Однажды их корабль зашел в незамерзающий порт города Клайпеда. В ресторанчике с милым названием «Старый город» Влад познакомился с молодым литовцем, который представился, как Гунтарс. У них оказалось много общего, начиная с того, что тот тоже был музыкантом, и точно так же мечтал о красивой жизни. Когда подружившиеся молодые люди опустошили вторую бутылку «Польской», литовец тихо сказал Владиславу:

– Ты знаешь, что такое большие деньги? Можно заработать столько, сколько тебе даже не снилось! Балалайкой столько денег никогда не сделать!..

– Как? – удивился Влад.

– Все очень просто. Экспедиции нужно снаряжать! Экспедиции! – загадочно повторил новоиспеченный друг.

– Какие экспедиции? – не поняв, переспросил Владислав.

– В села, мой дорогой друг, в села...

Так ничего и не поняв в этом разговоре, утром Владислав проснулся с головной болью. Он вспомнил, что на

одиннадцать назначена его встреча с Гунтарсом, машинально взглянул на часы и, не успевая принять душ, побежал в условленное место. Литовец уже ждал его, сидя за столом и попивая холодное пиво. Владислав плюхнулся в кресло напротив и с наслаждением тоже сделал несколько крупных глотков. Головная боль понемногу уходила, уступая место разливающемуся по телу блаженству. Гунтарс был уверен, что Владислав первым продолжит вчерашний разговор.

– А что ты мне вчера про экспедиции заливал? Какие села? Это что, ездить туда собирать фольклор? – спросил Владислав.

– Почти угадал, – загадочно ухмыльнулся Гунтарс. – Экспедицию за иконами! Кто не успеет, тот опоздает. Сегодня, купив у бабулек иконы за копейки, мы сможем выгодно их продать. И заметь – никакой контрабанды. Продаем проверенным лицам и только здесь, в Союзе. Есть люди, которые будут в очереди к нам стоять. И это уже их головная боль, куда они их денут.

Владислав сначала не на шутку испугался. Но вскоре Гунтарс заметил, как у него алчно заблестели глаза. «Ага, ну вот и хорошо, – подумал литовец, – деньги ты любишь! И любишь их не меньше меня».

– Но я же в них совершенно не разбираюсь, в этих иконах, – пытался отнекиваться Владислав. – Вдруг что-то не то куплю, влететь же можно.

– Риски минимальны, – спокойно ответил собеседник. – Ты же покупаешь условно за 5 рублей, а продаешь за двести пятьдесят. Подсчитай, какой навар, и какие риски. Тем более что спрос огромный, и люди готовы купить неограниченное количество за сотни долларов.

– За сколько? – недоверчиво переспросил Влад. Пропустив вопрос мимо ушей, собеседник тихо продолжал:

– Так же готовы покупать складни, кресты, оклады, подсвечники и прочий церковный хлам. Повторюсь: риска – никакого. Я дам тебе официальное письмо одного из музеев. Вот его и будете представлять бабулькам. Мы ж не жулики какие, а думаем о духовном развитии страны.

– Так ты бы сразу и сказал, что это для музеев, – начиная успокаиваться, проговорил Влад.

– Каким музеям? Ты что, и в правду поверил в эту чушь? Дурак ты, настоящий русский дурак! Никакой смекалки! Бумагу я на ксероксе сделал, а печать... Короче, я всю кухню рассказывать не буду. Кто ее будет проверять, эту бумажку? Да и хлам этот никого не волнует. Мы ведь не собираемся вывозить его за рубеж! Главное – церкви не обворовывать и бабушек не грабить. А делать все нужно с умом и так, чтобы сами отдавали. Тем более, ведь не даром – каждая бабулька копеечку получит. Правда, совсем небольшую. Но у каждого свой навар. В общем, если решишься, позвони по этому телефону, только не говори лишнего, а просто скажи: «Посылка к отправке готова, вес столько-то килограмм». Вес – это количество икон, которые ты готов привезти. Уразумел? – с этими словами он вытащил конверт и протянул его Вадиму. – Не бойся, это не деньги. Это те письма, о которых я говорил. Ну, давай, еще по одному бокальчику, и расходимся.

Все оставшиеся дни рейса Владислав разрабатывал план действий, мысленно составлял список тех, кого он задействует в таком деликатном деле и сел, в которые направит «экспедицию».

Через некоторое время дело действительно пошло «на ура» – Владислав сумел поставить закупки на широкую ногу. Он привлек к поездкам по селам нескольких школьных друзей, не устроенных в жизни и радующимся каждой возможности заработать.

– Нам бы кусочек белого хлеба, а икра пусть будет черная, – шутил Владислав, когда очередная партия икон заполняла его квартиру.

Вначале его люди брали все, что им предлагали. Но со временем, изучив рынок, ограничивались так называемыми школьными досками XVIII-XIX веков. В конце концов, Владислав стал безошибочно разбираться в разных школах иконописи, а также во многих специфических деталях этого бизнеса. Он понял, что чем качественнее икона написана, тем дороже она стоила тогда, и, соответственно, сейчас. Так же немаловажно было, кто являлся автором. Одно дело, когда икону писал профессионал-богомаз, другое – крестьянин от сохи, так сказать, в свободное от основной работы время.

Бизнес процветал. Уходя в очередной рейс, Владислав расписывал задание компаньонам, а возвращаясь, на несколько дней пропадал из города. Так было и в этот раз. Подсчитывая барыши, он разложил купюры зеленого цвета на полу, тщательно пересчитал, и каждую тысячу завернул отдельно в листок из местной газеты. Вдруг его внимание привлекла заметка, выделенная жирным шрифтом – «Ограблена церковь». Нехорошее предчувствие комком подступило к самому горлу. Он расправил листок и начал вчитываться в строки.

«22 марта неизвестными лицами, путем проникновения в помещение сельской церкви, похищены ценности. Среди них, по словам настоятеля отца Иннокентия, большую ценность представляла Иверская икона Божией Матери, датированная концом XVIII века. Она являлась покровительницей церкви, и, по утверждению прихожан, неоднократно отводила от них беду».

Влад в ужасе снова и снова перечитывал короткую заметку. Он отчетливо помнил эту редкую икону в серебряном окладе. Когда увидел ее и взял в руки, у него на секун-

ду потемнело в глазах и учащенно застучало в висках. Но тогда он не придумал этому значения.

Что же делать? Ведь он сегодня уходит в рейс. Владислав набрал междугородний номер. Через несколько секунд на противоположном конце трубку взял Гунтарс. Пытаясь сохранить спокойствие и минимальную конспирацию, он попытался объяснить компаньону, что содержимое посылки необходимо оставить до его приезда. Но литовец оборвал разговор, ответив, что содержимое посылки давно роздано близким родственникам. Владислав обессилено опустил в кресло. В смятении он не мог понять, что ему делать дальше.

Поймав такси, молодой человек помчался к друзьям-компаньонам. Там и состоялся неличеприятный разговор. Его друг Мишка Ковальский рассказал, как было дело.

– Понимаешь, я в церковь заглянул, чтобы немного поднатореть, присмотреться, какие иконы бывают. Вхожу, а поп, видать, куда-то отлучился. То есть, внутри никого. Я для верности покашлял, ногами потопал, но так никто и не появился. Гляжу – а передо мной на подставке икона стоит. И так она меня приманила, оклад ведь помнишь какой на ней был! Да и сама она так и просилась в руки, уж больно красивой была.

Влад громко выругался.

– Идиот! Теперь нам всем хана! Ты знаешь, что о ней пишут?

Мишка вытаращил глаза, пока не понимая, чего он такого натворил.

– Да я и не думал, что церковь шум поднимать будет.

– Да ты просто тупица! Ведь сказано было: в церкви – не лезть! А она, говорит священник, силой чудотворной обладала. Понял?

– Я-то понял, – обиженно ответил Мишка, – Но если она такая чудотворная, то чего в руки далась?

Владислав хотел снова заругаться, но вовремя понял бесполезность этого занятия.

Немного успокоившись, он достал из кармана пачку червонцев, бросил ее на стол, и приказал:

– Всем разъехаться в разные места, и залечь на дно. Не шевелиться, наслаждаться теплой водой и свежим ветром. Появиться в городе не ранее моего возвращения из рейса.

На том и порешили.

Со временем история с иконой стала забываться. Но Владислав никак не мог решиться возобновить промысел. Он был умным человеком и понимал, что любой неверный шаг может привести к тюрьме. Поэтому главное – сохранить нажитое «непосильным трудом».

Он снова перешел на закупку за рубежом дефицитных товаров и перепродажу их фарцовщикам. Наверное, со временем эта история совсем бы стерлась из его памяти, но однажды ему приснился образ Иверской иконы Божией Матери. Сон был странным. В нем Владислав стоял на коленях перед иконой, и неистово молясь, повторял, как заклинание:

– Мать божья, спаси и сохрани!

Проснувшись в липком поту, он включил свет. «Что за бред? – подумал Владислав, – Я ж и молиться-то не умею. И в Бога никогда не верил. Чуть, да и только!»

В те времена круизный лайнер, на котором работал Владислав, в основном фрахтовали немецкие компании, но в этот раз на корабле были преимущественно жители разных городов СССР. А это означало, что щедрых чаевых, которыми их, как правило, одаривали немецкие туристы, оркестру получить не судилось.

В зале было многолюдно. Народ, получив относительную свободу, обильно сдабривал её горячительными напитками. Появление музыкантов было встречено всеобщим одобрительным пьяным гулом. Заиграла музыка.

Нетвердым шагом к музыкантам подошел мужчина невысокого роста. Вытащив из кармана червонец (так раньше называли десять советских рублей), он небрежно протянул их Владиславу и слегка заикаясь, сказал:

– Ну, давай, чего-нибудь повеселей, за встречу!..

Влад, не торопясь, перелистал огромную амбарную книгу со списком песен. Немного подумав, он сказал:

– Ля-минор, поехали, – и трижды стукнув по корпусу гитары, запел.

Её звук и вступительная дробь барабанщика привели публику в восторг. Народ потянулся на середину зала. Одна песня сменяла другую. Музыканты, которым туристы вместо денег то и дело подносили то коньяк, то водку, вскоре ничем не отличались от веселящейся массы.

В какой-то миг взгляд Владислава остановился на столике, за которым сидели несколько девочек. Лицо одной из них показалось ему знакомым. Девушка была похожа на его первую школьную любовь Женьку Лаптеву, хотя, возможно, это была всего лишь игра воображения, подогретого значительной дозой спиртного. Но в тот момент Влад об этом не задумывался. Он подозвал одного из официантов и что-то сказал ему на ухо. Кивнув в ответ, тот направился к столику, занятому девушками, стараясь расслышать, о чем там идет разговор. Вернувшись через несколько минут, он подошел к Владиславу и сказал:

– С тебя сто грамм. Твою блондинку с длинными волосами зовут Жанна, она из солнечной Одессы. Ничего так девочка, губа у тебя недуря.

Но Влад пропустил мимо ушей его восторженную реплику. Чтобы заглушить шум, он громко сказал в микрофон:

– А сейчас следующая песня прозвучит для очаровательной Жанны!

Его слова произвели ошеломляющий эффект на девуш-

ку и ее компанию – все их взгляды обратились на него. А он чувственно запел:

– Люди встречаются, люди влюбляются, женятся.

Мне не везет в этом так, что просто беда...

После финальных аккордов за столиком, где сидела Жанна, раздались благодарные аплодисменты. А у Владислава пропало всякое желание пить. Весь оставшийся вечер он смотрел на девушку, ловя каждый ее взгляд. В конце вечера молодой человек снова подозвал официанта, и, вырвав листок из блокнота, что-то на нем написал.

– Отнеси ей, – попросил он.

– Ты что, Влад, из меня почтальона Печкина сделать хочешь? – весело спросил официант, вспомнив вышедший недавно на экраны страны мультфильм. Но Владислав, не обратив на эту реплику никакого внимания, подтолкнул его к известному столику.

Жанна, развернув записку, прочла всего одну фразу – «После вечера жду Вас на палубе возле бассейна». Она улыбнулась, вытащила из сумочки ручку и написала ответ: «За песню спасибо, но с незнакомыми мужчинами я не встречаюсь».

Ее категоричность еще больше раззадорила Влада. Он снова написал ей: «Меня зовут Владислав. С Вами мы знакомы уже больше пяти часов. Надеюсь, что Вы придете».

На этот раз она аккуратно свернула записку и положила ее в сумку. Через некоторое время их девичья кампания направилась к выходу.

Владислав никак не мог дождаться, пока уставшие туристы разбредутся по каютам. Поднявшись на верхнюю палубу, он стал вглядываться в фигуры стоящих у борта отдыхающих. Но, увы, ее нигде не было. Таки не дождавшись в тот вечер Жанну, он мысленно поклялся, что во что бы то ни стало добьется ее внимания.

На следующий вечер он пришел в ресторан необычно рано, в надежде встретить ее, и стал делать вид, что возит-ся с аппаратурой. Но компания девушек появилась только в самый разгар вечера. Владислав, что-то сказав напарнику, направился к столику, за которым сидела Жанна. В это время зазвучала популярная в то время «Червона рута». Музыкантам, как правило, не рекомендовалось общаться с туристами, но этот запрет в основном касался иностранцев. Эти же девушки были своими, поэтому Владислав решил, что такое нарушение последствий иметь не будет.

Он пригласил Жанну на танец. Ее близость еще больше вскружила его голову, даже несмотря на то, что в этот раз он принципиально решил спиртного не употреблять. Владислав смотрел в ее глаза, и все больше и больше погружался в их глубину. На этот раз Жанна приняла его приглашение пройти по ночной палубе. Поздно ночью они вдвоем любовались отражением звезд в ровной глади воды, говоря о всяких пустяках, пока первые лучи солнца не вернули их в действительность. Мужчина и женщина расстались, договорившись о новой встрече.

Оставшееся время круиза пролетело, как одно мгновение. Влад и Жанна практически все время проводили вместе. И однажды, когда корабль пришел в конечный порт, Владислав, войдя в каюту, в которой вместе с еще двумя девушками жила Жанна, и не обратив на них никакого внимания, поцеловал ее и сказал:

– Я хочу чтоб, мы были вместе всегда. У тебя есть месяц на то, чтобы подумать. А я уже все решил. Через тридцать дней я сойду на берег, и мы подадим заявления в ЗАГС. – Он обернулся к ее подругам и добавил, – Через месяц пьем шампанское...

Этот месяц в рейсе после расставания с Жанной был самым длинным и утомительным в его жизни. Владислав с нетерпением ожидал того момента, когда корабль снова

войдет в родной порт, и он наконец-то сможет ее увидеть – ведь за это время они только два раза по несколько минут говорили по телефону. Все остальные дни он скучал без нее, безумно ожидая встречи. Владислав чувствовал, что полюбил окончательно и бесповоротно. Но готова ли она ответить на его чувства, ведь с момента их первой встречи прошло совсем немного времени? Ведь они даже никогда не были близки так, как это происходит между мужчиной и женщиной. Потому эта практически с первого взгляда любовь не давала ему ни минуты покоя.

Но все его опасения были развеяны тотчас, как только он явился к ней с огромным букетом роз и увидел глаза, в которых прочел ответы на все свои вопросы. Влад остался у Жанны и безумная ночь любви – время признаний и зарождения новой жизни, не оставила ни тени сомнений в их сердцах.

Через месяц они поженились. А вскоре родилась Алина. Шесть прожитые вместе с нею лет были самыми лучшими годами в его жизни. Он наслаждался каждым мгновением пребывания с ней, безумно остро ощущая каждую минуту, словно предчувствуя, что жизнь ее будет неоправданно короткой.

Когда врачи нашли у неё злокачественная опухоль мозга, он надеялся только на чудо и огромный капитал, которым собирался откупиться от ее смерти. Но, увы, доктора, понимая безысходность ситуации, даже не пытались заикнуться о деньгах. Владислав постоянно пытался найти выход. Он как мог, поддерживал Жанну, не подавая вида, будто знает о том, что ее ожидает, и даже бросил работу, чтоб каждую секунду быть рядом с ней. Очень незначительную надежду могла дать операция, поэтому он отвез ее в одну из лучших клиник страны, надеясь на чудо. Стоя у операционной, он спрашивал у молча выходявших врачей: «Что с ней, скажите!». Но, увидев их ускользающие

взгляды, понял, что его любимой больше нет. Не в силах поверить в это страшное известие, он подбежал к одному из докторов, и в ужасе закричал:

– Доктор, что с моей женой? Почему вы молчите? Что с Жанной?

– Вашей жены больше нет. Крепитесь! Она покинула этот мир навсегда...

Следующие несколько дней были самыми страшными в его жизни. До конца не поверив в происходящее, он никак не мог понять, почему весь мир, родной и любимый, рухнул в одночасье.

Алина, его маленькая дочь, изменилась до неузнаваемости. Когда-то веселая подвижная девочка, она теперь все время молчала. Иногда она смотрела на него тоскующими глазами, будто бы спрашивая:

– Где моя мама?

Именно тогда, когда Жанну похоронили, и он впервые за три дня уснул, сидя прямо на диване, к нему во сне впервые явилась Иверская икона Божией Матери. Ему снилось, что он говорил с ней, спрашивая, почему Всевышний не уберег его Жанну. В ответ она твердила одну и ту же фразу:

– Твоя душа не найдет покоя...

Шли годы. Влад полностью погрузился в воспитание дочери, отвергая многочисленные попытки женщин вторгнуться в их жизнь. Потепление отношений Советского Союза с Западом, а также значительные капиталы, которые ему удалось переправить за границу, позволили практически беспрепятственно покинуть страну, поселившись вначале в Англии, где Алина получила университетское образование, а затем – у побережья моря в Испании. Здесь они вместе жили в большом уютном доме, пока в сердце девушки не поселился мужчина по имени Давид...

Владислав Андреевич никогда не мог простить зятю того, что он отобрал у него самое ценное и дорогое, что осталось в его жизни после ухода Жанны. Они практически не общались, а редкие минуты вынужденных встреч, как правило, перерастали в выяснение отношений и даже безобразные ссоры.

После ресторана они с Алиной долго гуляли по берегу ночного моря, взявшись за руки. Ее присутствие, а также шорох песка и солёный запах моря делали его счастливым.

Вскоре Алина уехала, и он вновь остался один.

Уже много лет у него была одна страсть, которая заменяла ему многое – женщин, вино и другие слабости, присущие каждому еще не старому мужчине. Это была любовь к коллекционированию антиквариата. Владислав Андреевич досконально знал результаты многих торгов, постоянно посещая самые известные аукционные дома. В то время в мире вырос спрос на русское искусство, а его знания в этой области были безграничны. Он на короткой ноге держался со многими известными коллекционерами. Зачастую его приглашали в качестве эксперта по вопросам русской живописи и иконографии. Он часами просиживал, изучая каталоги различных аукционов, которые ежедневно пачками приходили на его адрес.

Как-то, просматривая очередной каталог предстоящих торгов русских икон, он увидел ее, ту, которая не встречалась на его пути более сорока лет. Он громко воскликнул:

– Не может быть! Этого просто не может быть! Ведь прошло столько лет!

Да-да, уже прошло больше сорока лет с того момента, как он прочел в газете о похищении неизвестными Иверской иконы Божией Матери из сельской церкви.

– Это же я тогда держал ее в руках, когда она мне их обигала! Это же я продал ее тогда за огромные для меня по

тем временам деньги – аж триста долларов США! – в прощании твердил Владислав Андреевич.

Он не мог поверить собственным глазам. Стартовая цена иконы начиналась с суммы в семьдесят тысяч долларов. То есть, за эти годы она выросла в двести пятьдесят раз! Он еще раз внимательно рассмотрел фотографию иконы. Взяв в руки увеличительное стекло, он изучил каждый сантиметр изображения. Сомнений быть не могло – это была она.

В эту ночь он вновь услышал странные слова, преследующие его много лет – «Твоя душа не найдет покоя...», а проснувшись, понял, что разгадал тайну этой фразы. Да, именно эта икона постоянно напоминала ему о себе, то приходя на помощь в трудную минуту, то жестоко наказывая. Ведь это он, хотя и косвенно, был причиной ее разлуки с церковью, где она находилась многие столетия. И если бы в те далекие семидесятые годы он знал, что выйдет именно так, разве посмел бы продать ее?

Все утро у Владислава Андреевича было подавленное настроение от осознания всего того, что произошло. И вдруг его словно осенило. Не зря его давний друг-еврей, как-то сказал: «Владислав, если ты в чем-то сомневаешься, прими решение, и сразу станет легче. Независимо от того, каким оно будет...»

– Я должен исправить эту зловещую ошибку, – твердил он. – Во что бы то не стало должен! Нужно вернуть ее в ту самую церковь, откуда она была похищена! – и ему стало намного легче от этой мысли и принятого решения.

Он набрал номер телефона аукционного дома и сделал первую ставку, на пять тысяч превышающую стартовую цену. В день торгов Владислав Андреевич не находил себе места, а когда был объявлен семнадцатый лот, внутренне сжался, готовый к бою за раритет. Но его как такового не

произошло. Сидящий впереди молодой парень было поднял табличку с номером, повысив стоимость лота еще на пять тысяч долларов, но после того, как Владислав Андреевич снова сделал ставку, успокоился. Таким образом, цена раритета была превышена на пятнадцать тысяч долларов. Третий удар молотка известил, что икона нашла своего нового хозяина. Владислав Андреевич облегченно вздохнул – слава Богу, все обошлось. Нежно поглаживая серебряный оклад, обрамляющий икону, он был безумно счастлив от одной мысли, что все окончилось, как нельзя лучше – лот не был снят с торгов и не нашелся безумец, готовый до бесконечности повышать ставки. И вообще, огромная удача, что каталог своевременно попал ему в руки. Теперь оставалось совершить не менее сложное – побывать в бывшем СССР, разыскать ту самую церковь и вернуть икону.

Оформив необходимые документы, Владислав Андреевич вылетел в один из городов бывшего СССР. Икону он решил с собой не брать, благоразумно полагая, что прошедшие годы унесли много воды, и, скорей всего, ему предстоит изрядно помотаться, чтобы добраться до конечного пункта задуманного путешествия.

Первым делом он решил посетить могилу Жанны. В родном городе он не был больше десяти лет, и только со слов Алины, которая иногда ее навещала, узнавал о происходящих в городе переменах.

Владислав Андреевич купил огромный букет роз, такой же, который принес в их первую встречу после рейса. Он не сразу нашел могилу в этом огромном городе спящих вечным сном людей.

«Как тут все заросло! – подумал он, оглянувшись по сторонам, – И какие огромные памятники вокруг! А ведь у Жанны он совсем маленький! Но не высотой памятника измеряется любовь к ушедшему! А только памятью, ежедневной памятью...»

Он, наконец, нашел памятник из черного гранита с выгравированным портретом его любимой жены. Ниже его были нанесены годы ее рождения и смерти и слова: «Из жизни ты ушла непостижимо рано, меня печаль гнетет, и в сердце рана, и дочь твоя растет, не зная слова «мама»...»

Его сердце учащенно забилося. «Жанна! Моя милая, любимая девочка! Еще немного, и мы будем вместе навсегда, и уже ничто не сможет разлучить нас!» – думал мужчина. Слезы катились из его глаз, но он не пытался вытереть их, лоя губами соленую влагу. Владислав Андреевич положил цветы на могилу, сел на рядом стоящую скамейку и сидел так до тех пор, пока налетевший дождь не вернул его в реальность.

На следующий день он поймал такси, назвал адрес, и смотря в окно, погрузился в свои мысли. Молодой водитель увлеченно слушал звучащие из динамиков мелодии шансона, поэтому не пытался вступать в разговор с угрюмым пассажиром.

Приехав в село, Владислав Андреевич с ужасом увидел, что церкви, которая находилась в его центре на пригорке, уже нет. Он не мог поверить собственным глазам. «Не может быть, – мысленно твердил мужчина, – я ведь приезжал сюда, чтобы самому убедиться в том, что церковь, о которой писала газета, существует!»

Подойдя к сидящим на лавочке пожилым женщинам, он в волнении спросил:

– Скажите, что случилось с церковью?

– Мил человек, а тебя каким ветром сюда занесло? Мы, поди, уже как тридцать лет без своей церкви. Сгорела она в зиму. Говорят, искра от печки упала на пол и тлела, пока не вспыхнул пожар. А она то у нас старая была! А все зло пошло после того, как икону пацаны выкрали. Сначала ба-тюшка помер, а потом и церковь сгорела. А икона говорят,

как раз от пожара храм защищала. Правда, сейчас и не упомяну, как она называлась. Но батюшка по нею сильно горевал. А за эти годы дожди и снег все с землей сравняли, – ответила одна из женщин.

Обессилив, Владислав Андреевич сел на скамейку. «Что же мне делать дальше?» – в отчаянии думал он. Затем, как будто бы спохватившись, спросил:

– А кто-то в живых остался, из тех, кто работал в церкви?

– Так отец Евгений и остался, он же тогда еще пацаненком в церкви служил, а как сгорело все, подался в семинарию. А сейчас в соседнем селе службу правит. Мы на Пасху туда ходим. И он к нам навещается, если кого отпеть надо. Село-то у нас большое, кто-то рождается, а кто, царство им небесное, умирает, – приветливо ответила другая женщина.

Поблагодарив словоохотливых старух, Владислав Андреевич сел в такси и поехал в указанное село. Зайдя там в церковь, он подошел к стоящим у поминального столика старушкам, и тихо спросил:

– А где можно найти отца Евгения?

Одна из них молча указала в направлении алтаря.

Вскоре в зал вышел священник в черном облачении.

Подойдя к нему, Владислав Андреевич окликнул:

– Отец Евгений!

Тот обернулся, подошел практически вплотную, и тихо переспросил:

– Вам отец Евгений нужен? Я сейчас его позову.

Вышедший в таком же церковном одеянии мужчина средних лет с длинными волосами и густой бородой подошел к Владиславу Андреевичу, и тихо спросил:

– У вас какой-то вопрос ко мне?

– Я хотел бы исповедоваться, отец Евгений!

Тот удивленно посмотрел на незнакомого прихожанина. «Что привело его в сельскую церковь? – подумал он, – Ведь в городе сейчас новых церквей – огромное множество, как грибы повыврастали, на любой лад».

Священник отвел Владислава Андреевича в правое крыло храма, водрузил перед ним подставку для книг, затем накрыл голову мужчины длинной широкой лентой, которая огибала его шею, и тихо спросил:

– Так в чем, сын мой, ты хочешь исповедоваться?

Владислав Андреевич несколько минут молчал, собираясь с мыслями, а потом неспешно начал рассказывать отцу Евгению о себе, Жанне и похищенной не по его вине иконе – то есть, обо всем том, что произошло в его жизни. Он с трудом подбирал каждое слово, и, вдруг запнувшись, продолжил:

– Судьба не пожалела меня, забрав самое дорогое – мою единственную любовь! Она отобрала мою Жанну! И сейчас она не щадит меня. Я богат, но понимаю, что весь мой достаток несравним с тем, чего я лишился и теперь лишуюсь в этой жизни. У меня нет ни наследника, ни будущего. И во всем виноват только я сам. Теперь хочу убрать этот грех с моей семьи. Я разыскал икону, разыскал в далекой стране. Вернее, она сама нашла меня, дав возможность искупления. И я здесь сегодня перед вами затем, чтобы, преодолев сотни километров, просить помочь мне в этом. Я знаю – той церкви уже нет...

Отец Евгений слушал, не прерывая. Рассказанная история потрясла его – ведь он прекрасно помнил как ту старую икону, так и рассказы настоятеля о ее чудодейственных свойствах.

Владислав Андреевич закончил свой рассказ словами:

– Я хочу возродить церковь на свои сбережения и вернуть Иверскую икону Божией Матери в отстроенный храм.

После таинства исповеди они еще долго гуляли с отцом Евгением по территории сада, прилегающего к церкви, рассуждая о жизни и судьбах людских.

– Мир, в котором мы живём, не создан нами, – сказал отец Евгений, – Он создан Творцом. И я буду молиться, чтоб он простил тебе твои прегрешения.

– У меня к вам есть одна просьба, – обратился Владислав Андреевич к священнику. – Я все это делаю искренне, по зову души и сердца, и не хочу, чтобы кто-то знал, что церковь восстанавливается на мои деньги. Для всех она строиться на пожертвования человека, не пожелавшего назвать свое имя. И второе, отец Евгений. Я просил бы вас вернуться и служить в новой церкви. Вас там любят и чтят.

На этом они расстались.

После исповеди отцу Евгению Владислав Андреевич еще раз побывал на могиле Жанны, и, решив, что все дела выполнены, вернулся домой. Первым делом он набрал номер телефона дочери.

– Алина! Я вернулся!

Женщина почувствовала в голосе отца какие-то восторженные нотки. Она поняла, что за время ее отсутствия с ним произошло что-то неординарное. Обычно после посещения могилы жены он приезжал подавленным.

– Папа, у меня все нормально, – пытаюсь разгадать причину, изменившую настроение отца, сказала она. – Даже прекрасно!

– Дочь! Я нашел решение загадки!

– Какой? – не поняла Алина. Но отец, засмеявшись, продолжил:

– Скоро ты все узнаешь!

Теперь Владислав Андреевич думал только о том, как поскорей собрать необходимую сумму денег, огромную даже для него. Он без всякого сожаления набросал список

антикварных раритетов, которые можно было быстро продать. Затем проставил перед каждым пунктом примерную сумму, которую можно было за него выручить. Подсчитав итог, он не набрал даже половины необходимого. Несколько минут мужчина в нерешительности осматривал комнату, где были собраны его любимые раритеты. Взгляд коснулся одной из самых дорогих картин. Но сейчас вместо написанного на ней пейзажа он отчетливо увидел силуэт Иверской Божией Матери, и даже отчетливо услышал голос, который проговорил: «Цену имеет только жизнь, все остальное – преходяще. Человек рождается голым и уходит на тот свет, ничего с собой не унося...»

«Боже мой! – подумал он. – Ну почему такие простые истины понимаешь только тогда, когда жизнь подходит к концу? – он мысленно рассуждал об этом, расхаживая по комнате. – Как быстро захлестывает нас материальный мир! Вкусная еда, хороший дом, банковский счет, автомобиль, одежда... И порой на пути к богатству я забывал о душе... Все время служил деньгам, красивым вещам, красивой жизни. И только сегодня понял главное: как только человек становится рабом денег, он упускает самое главное – жизнь! Да, уходя в последний путь, два костюма не оденешь!»

И как бы подбадривая себя, он мысленно снова повторил любимую фразу: «Прими решение – и станет легче. А свое решение я уже принял, окончательно и бесповоротно!»

В скором времени на сельском пустыре закипела работа. Владислав Андреевич не жалел денег, спеша поскорей снять с себя проклятие и вернуть Иверскую икону Божией Матери в храм. Через полтора года они с отцом Евгением перешагнули порог отстроенной церкви, где все играло золотыми красками. Владислав Андреевич молча открыл портфель и бережно достал сверток. Дрожащими руками

он развернул ткань, и так же бережно достав икону, передал ее священнику. Тот подошел к образу Господа Вседержителя и стал молиться:

– Владыко Господи Иисусе Христе, Боже мой!..

Когда молитва была окончена, священник обернулся, чтобы сказать Владиславу Андреевичу несколько слов, но увидел только его молча удаляющийся силуэт. Он сделал несколько шагов, чтобы догнать его, но, вдруг остановившись, поднял руку и перекрестил.

– Пусть Бог тебя простит, – и добавил, – Все мы грешны на этой земле.

Николай ЦУКАНОВ

ПУТЬ К ХРАМУ

